

Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований. Сборник научных трудов под ред. Профессора С.С. Ваулиной. Ч. 2. Калининград: изд-во Балтийского федерального университета им. И.Канта, 2012. С. 23-29.

Гурская Ю.А. (Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Имя собственное как универсалия языка и культуры выполняет функцию хранения и трансляции истории, культуры, традиций народа, в силу чего является сложным языковым знаком. То, что это особый языковой знак, было известно с древности: в различных философских традициях онимы воспринимались как предельные текстовые сообщения, обладающие воздействующей силой и способные к предикации качеств. В свою очередь, денотаты этих имен оставляют след в истории, олицетворяя определенную идею, и тогда имя начинает жить своей жизнью, становится свернутым культурным текстом, функционирующим в отрыве от денотата. С дешифровки культурно значимых для социума имен, по В.Н.Топорову, начинается установление контактов с другими языковыми коллективами [7, с. 6]. Эти свойства имени собственного как сложного языкового знака находят отражение и во фразеологии, где оним может становиться ключевым компонентом фразеологической единицы (ФЕ).

В предлагаемой статье рассматриваются фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-топонимом в концептосфере русской, белорусской и польской лингвокультур.

Материалом исследования послужили русские, белорусские и польские топонимические фразеологизмы, извлеченные из словарей разного типа (паремиологические, фразеологические, толковые и др.).

Как показывает сопоставительный анализ, с точки зрения фразеологизации топонимы являются одним из самых активных разрядов

имен собственных. К наиболее частотным в рассматриваемых лингвокультурах относятся топонимы, обозначающие широко известные и значимые для социума объекты: русск. *Москва, Киев, Новгород, Русь, Петербург*; гидронимы: *Волга, Дунай, Дон*; польск.: *Kraków, Warszawa, Gdańsk, Lublin*; гидронимы: *Wisła*; бел. *Полацк, Мiр, Слуцк, Мiнск, Віцебск*; гидронимы: *Бярэзіна, Дунай*. Особую значимость имеют онимы, которые являются символами национальных культур: для русских – *Москва, Волга*; для поляков – *Wawel, Wisła*; для белорусов – *Мiр, Нясвіж, Неман*.

Второй тип – вымышленные топонимы, представленные в каламбурных фразеологизмах, которые экспрессивны и семантически насыщены: русск. *Родиться в селе Трусы* – «быть трусом»; польск. *Wuć w Błędowie* – «заблудиться»; *Wybrać się do Leżajska* – «идти спать».

Как отмечают исследователи, в топонимических фразеологизмах наиболее ярко реализуется концепт «свой – чужой», в котором чётко прослеживается осознание принадлежности человека к «своей стране / чужой стране», к определённому этнокультурному сообществу [4, с. 11]. По мнению Ю.С. Степанова, в концепте «свои – чужие» соединяются компоненты «свои, свой народ» и «чужие, чужой народ» [6, с. 480 – 487].

Концепт «своя страна» репрезентирован в фразеологии языковыми знаками *Русь (Россия), Беларусь, Polska*, денотаты которых можно систематизировать в соответствии с фреймом: территория, столица, власть, население, язык, духовная жизнь, сословная структура. Смоделируем денотаты данных языковых знаков согласно фрейму.

Как показывает материал, ядро концепта «своя страна» в рассматриваемых языках эксплицировано топонимами – наименованиями столиц государств (*Москва, Краков, Вильня*), занимающих важное место в концептуальной картине мира этносов. В трех языках выделяются ФЕ, объективирующие такие когнитивные признаки, как: *древний город, который долго строился*: русск. *Москва веками (не сразу) строилась*;

польск. *Nie za jeden dzień Kraków zbudowano*; бел. *Не за дзень Вільня станавілася*; столица, главный город: *Москва – всем городам мать; Все реки текут в море, все дороги ведут в Москву*; большой город: *Казань-городок – Москвы уголок; Wiesz, że Kraków daleko większy, niż Brzeście*.

В рассматриваемых языках выявляется город-прототип (идеальный образец). В русской наивной картине мира – *Москва: Кто в Москве не бывал, красоты не видал; Москва верстой далека, да сердцу рядом*. В польском языке в качестве города-прототипа выступает *Краков*, который славился великолепием двора, богатством мещан, многообразием костелов, академией: *Kraków pan, Lwów ociec, Warszawa matka, Lublin jest siostra*. Значительная часть единиц отсылает к топографии Кракова: *Okrągły, jak rynek krakowski; Roztrąbić z Marjackiej wieży* ‘всем рассказать’; *Gęba jak Florjańska brama; Rycerz z Rycerskiej ściecy* ‘распутник’.

В белорусской картине мира городом-прототипом, который имеет и сакральные коннотации, духовной столицей является *Вільня* (по В.Н.Топорову, наиболее древние названия – Вильня/Вильна): *Рабі пільна, ў доме будзе Вільня; Языком у Вільні, а галава за печчу; Не адразу Вільня будавалася*. Характерно, что в польском языке сакральные коннотации получают онимы *Краков* и *Рим*, в то время как *Wilno* чаще актуализирует семы «многонациональный город»: *Wilno na przybyszach stoi*.

В трех языках выделяются когнитивные признаки: *богатство, роскошь*: *В Москву бресть – последнюю копейку несть; Kraków chcieć kupić za złoty* «безумие»; *Spytałbym, co Kraków kosztuje; Drogi Kraków za grosz, kiedy grosza nie masz*. При этом в белорусской и польской фразеологии при осмыслении данных топонимов актуализируется сема «трудолюбие»: *Рабі пільна, ў доме будзе Вільня* – «работай хорошо, будешь жить богато, культурно»; *I Kraków bez pieniędzy nie da raków; I w Krakowie nie przyjdzie samo zdrowie* (и при богатстве нужно работать).

Одним из способов репрезентации концепта «своя страна» являются концептуальные метафоры. В трех языках выявляется метафорическая модель «страна – человек». Для обозначения столиц государств используются также перифразы: *Gród podwawelski* (Краков); *Syreni gród* (Варшава), ср. *Мать городов русских* (Киев).

Концептуальная оппозиция культурно значимых топонимов реализуется в двух основных аспектах: *история/современность*; *столица/провинция*. В русской фразеологии часть единиц содержит противопоставление Москва – Петербург: *Москва создана веками, Питер миллионами*. При этом в русской наивной картине мира в большей степени, чем в польской, сохранились ФЕ о третьем значимом городе – *Киеве*, что имплицитно указывает на начало русской истории, а также отчасти снимает традиционную оппозицию российских столиц.

Противопоставление исторической и современной столицы отражено и на уровне частотности использования топонимов. Так, столица Мазовии, позже всего государства, *Варшава* отмечена в относительно небольшом для крупного города количестве единиц – нескольких десятках, при этом некоторые из них являются точной копией паремий с компонентом Краков: *Choć do Warszawy; Spytalbym, ile Warszawa kosztuje* [8, с. 186].

В польской и белорусской фразеологии *Слуцк* как город с богатыми культурными традициями осмысливается в противовес *Минску*: *W Mińsku po świńsku, a w Słucku po ludzku*. В то же время оба топонима могут при сравнении получать отрицательные коннотации по принципу «наше плохое место, а другое еще хуже»: *Tam u nas w Mińsku żyją po świńsku, a w Orszy jeszcze gorszy; Кенско коло Витэнска, а в Ворше еце горши*.

Противопоставлением двух топонимов объективируется также концептуальная оппозиция *столица – провинция*. В русском и польском языках концепт *провинциальность* вербализуется топонимом – символизирующим маленький обывательский городок: *W głowie, jak w*

Pacanowie. Иронический эффект создается путем сочетания логически несовместимых понятий (оксюморон) с целью большей экспрессии: *Paryżanka z Pińczowa; Arystokratka z Pacanowa*. (Как известно, в русском просторечии семы «глухое, отдаленное место» приобретают топонимы *Урюпинск, Тмутаракань* и др.). В белорусском языке данный концепт эксплицирован оценочными лексемами с отрицательными коннотациями *местечковый, местечковость* (местечко в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) – самый маленький населенный пункт городского типа).

В трех лингвокультурах выявляется противопоставление *город/не город*: русск. *Деревня родима краше Москвы*; польск. *Derżę w posy na wsi, niż w dzień w Warszawie*; бел. *Як дзядзька ў Вільні*, который имеет значения: 1) «бояться начальства»; 2) «чувствовать себя чужоко, неудобно» (в белорусском фразеологизме город характеризуется с точки зрения крестьянина Антося – героя поэмы Якуба Коласа «Новая зямля»).

Национально-культурная специфика объективации концепта «своя страна» проявляется в концентрации значительного количества русских ФЕ вокруг топонима *Москва* и большом разнообразии топонимов в белорусских и польских ФЕ, что объясняется культурно-историческими факторами развития государств. В то время когда Россия была централизованным государством, Речь Посполитая была страной с многочисленной мелкопоместной шляхтой, в силу чего в белорусской и польской фразеологии помимо крупных городов, широко отражены топонимы, называющие околицы, застенки, где проживали представители шляхетского сословия. При этом историческая значимость события часто не являлась существенной, важнейшую роль в закреплении фразеологизма играли оригинальность, остроумие [3, с. 41]: *Скочыць, як Піліп з канпель* – «внезапно, неожиданно» (о шляхтиче из застенка Конопель, который неожиданно высказался на сейме и был жестоко осмеян) (другую

интерпретацию см. в: [2]); польск. *Pan Czyż w Woronie, jak król na tronie* (Ворона – застенек под Вильно).

В трех языках сегмент «история» эксплицирован топонимами, которые выступают символами свернутого диахронического национально-культурного текста: *От бородинской пушки под Москвой земля дрожала; Rozgniewał się burmistrz gdański na króla polskiego (wielka wojna będzie)* – (о спорах Гданьска с Баторием, что привело к осаде города в 1577 г.).

Сегмент «культура» представлен ФЕ с топонимами, символизирующими центры научной, торговой, производственной деятельности: русск. *Урал – золотое дно, серебряна покрывка*; польск. *Kotni academia Krakowska nie była matka, temu zapewne była babką*; бел. *Смаргонская акадэмія* (школа дрессировки медведей, основанная в Сморгони в XVII в. князьями Радзивиллами) – (шутл.) «неумелое обхождение; неуклюжесть, неповоротливость».

Сегмент «религия» объективирует особенности развития христианства в трех лингвокультурах. В русской фразеологии кроме топонима *Москва* как центра православной культуры представлены *Киев, Царьград*, отражающие византийское начало русского исторического пути: *матушка Москва белкаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая. Язык до Киева доведет, Бесконный и в Царьграде пеш.*

В польском языке ядром данного сегмента выступает топоним *Рим* – город, который связывается в сознании польского народа с центром католичества, с резиденцией Папы Римского: *Буć w Rzymie i nie widzieć papieża* – «не видеть главного»; *Gdzie papież, tam i Rzym; Kto świętych nie widział, niech do Rzymu zajdzie*. Многочисленные польские ФЕ связаны с Ченстоховой, куда каждый год направляются тысячи пилигримов: *To cud większy niż Częstochowski; Potrzebny, jak djabeł w Częstochowie*.

В белорусской топонимической фразеологии отражена поликонфессиональность, существовавшая в ВКЛ: *Быўшы ў Рыме і папы*

ne відзець; Starsza slucka fara niż kalwińska wiara (фара была основана в 1419 г.); ср. перифразу: *Малая Ченстохова (Жировичи – место, которое славится чудотворной иконой Жировичской Божьей Матери).*

В фразеологизмах, вербализующих концепт «пространство», выявляются когнитивными признаки: «широта», «безграничность»: *Волга – плыць долго, а Дунай – широко; Jak Polska długa i szeroka* – «по всей Польше; от края до края». Зафиксированы ФЕ, эксплицирующие качественные характеристики пространства, при этом «одни топонимы символизируют хорошие природные условия, другие выступают эталоном неурожайной земли, бедной жизни, убожества» [3, с. 38]: русск. *Москва стоит на болоте, в ней хлеба не молотят, а больше чашега едят*; польск. *Na Podolu pszenica bez kąkoli.*

В топонимических фразеологизмах проявляется «связь пространственных представлений с этно- и социоцентризмом: «свое» определяется в качестве центра мироздания» [1, с. 134]: *Москва – столица для всего мира светлица; Gdyby nie było Rzymu, tedy Kraków byłby Rzymem.* При этом специфика белорусской лингвокультуры заключается в отсутствии топонима с ярко выраженными семами «центр», «главный город», вокруг которого сконцентрирован определенный корпус фразеологизмов. В белорусском языке представлено большое разнообразие топонимов, называющих значительные белорусские города, которые в XV– XVI вв. были центрами культурной жизни: *Слуцк, Магілёў, Мінск, Віцебск, Нясвіж, Пінск, Полацк, Мір, Навагрудак* и др. В качестве духовной столицы, как уже было отмечено, выступает *Вільня*, однако это не значит, что «его можно рассматривать как именно белорусский национальный город» [5, с. 247]. Значение этого города выходит за рамки одной национальной культуры, что отражено и в польской фразеологии.

Ядром концепта «чужая страна» в трех лингвокультурах выступают макротопонимы, называющие «далекие земли»: *Америка, Англия, Франция,*

Швейцария и др. При этом в польском языке отмечается большая продуктивность иностранных топонимов, чем в русском и белорусском. Среди топонимов фиксируются названия европейских государств и столиц, с которыми польская шляхта поддерживала торговые, культурные и политические отношения: *Francja, Holandia, Portugalia, Włochy, Dania, Szwajcaria, Anglia, Niemcy; Rzym, Wersal, Paryż, Londyn, Magdeburg, Norymberga, Praga: Spasiony jak magdeburski burmistrz; Widzieli Amsterdam w Paryżu; Żyje jak Pan Bóg we Francji; Robic Wersal* ‘соблюдать правила хорошего тона’. Существенно, что в русской лингвокультуре преобладает позитивная оценка «чуждости» [4, с. 13]: *Увидеть Париж и умереть* «лучшего в жизни не увидишь», в то время как в польской отражено предостережение перед переоценкой ее значимости: *Rzym święty, a lud przeklęty; Kto w Polsce głupi, ten w Rzymie sobie rozumu nie kupi*.

В польской лингвокультуре значительно представлены паремии, содержащие топонимы белорусского, украинского, литовского ареалов, которые в контексте оппозиции «свои – чужие» воспринимались как близкие, но *иные*. В данных единицах высмеиваются внешность, интеллект, обычаи, язык жителей соседних территорий: *Głowa kępska, to z Witebska; Mowa ich kępska, musi być z Witebska; Nadęty jak słucki dzbanek; Dawidgródecka tyłcia* (о толстом человеке). Литве (под которой понималась и часть территории современной Беларуси), литвинам приписываются такие качества, как убожество края, примитивизм: *U Litwina zrodziła się boćwina, cóż kiedy chleba niema; Oszmiański szlachcic: jedna noga w bucie, druga w łapciu; Szlachcic oszmiański, szabelka na łyczku*.

Украина в сознании поляков ассоциировалась с краем вольнолюбивым, опасным, но в то же время богатым: *Na Ukrainie niejedyn ginie; Przecież to nie Ukraina – «не все можно»; Na Ukrainie pasał świnie* (сейчас богатый). В польской фразеологии чаще всего отмечены

украинские города: *Киев, Львов, Луцк, Бердичев, Каменец*; при этом Львов противопоставляется Кракову: *Co we Lwowie, to nie w Krakowe*.

Часть топонимов в результате метонимии символизирует моральные качества жителей соседних территорий, приписываемые «чужому», такие, как жадность, стремление получить выгоду: *Oszmiana z Lidą razem kraść idą, Wilno i Troki za niemi w kroki; Świadek lidzki (oszmiański, ejszyski)* – «лжесвидетель»; а также недалекость: бел. *Гаўрыла з Полацка*; непрофессионализм: *Майсцэр з Міра, што цяв, то дзіра*.

Взаимодействие русской и польской лингвокультур также способствовало возникновению фразеологизмов, отражающих этнокультурные стереотипы. В польской наивной картине мира русские как представители «чужого» этноса наделяются такими отрицательными качествами, как лживость, вероломство: *Ruski dar: dzisiaj dał jutro odebrał; Moskiewskie słowo*. В то же время Польша в русской паремиологии ассоциируется с грабежами, разбоем: *Что дальше в Польшу, то разбою больше*. В польском языке отмечено также различие в политической жизни двух государств: *Na Rusi jak kto musi, a w Polsce jak kto chce* [8, с. 175].

В трех языках выделяются: 1) межнациональные ФЕ, которые имеют в трех языках аналоги: а) с одинаковой семантикой и структурой: польск. *Odkrywać na nowo Amerykę*; русск. (заново) *Открывать Америку*; б) со сходной семантикой и структурой: русск. *Язык до Киева доведет*; польск. *Język i do Rzymu (Krakowa, Kijowa) doprowadzi (dopyta)*; бел. *На канцы языка Киеў стаіць*; 2) национально-специфические ФЕ: русск. *Потемкинские деревни*; польск. *Gdańsk bogaty, Królewec wielki, Toruń piękny, Elbląg obronny*; бел. *Ці адзін Гаўрыла ў Полацку*.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом-топонимом выявляют связь с концептуальной картиной мира. Топонимы в составе фразеологизма частично сохраняют свои семантические признаки, мотивируя общую семантику фразеологической единицы. При этом одни и

те же прецедентные имена даже в близкородственных лингвокультурах представляют различные когнитивные концепты, в которых ярко проявляется национально-культурный компонент.

Литература

1. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 288 с.
2. Коваль У. І. Чым адгукнецца слова: фразеалогія ў павер'ях, абрадах і звычаях. – Мінск: Народная асвета, 1994. – 48 с.
3. Лагинович Я. Фразеологические единицы с топонимами в русском и польском языках // Веснік БДУ, Серыя IV, № 1. – Мінск, 1978. С. 38 – 42.
4. Осыка М.В. Топонимические фразеологизмы в национальной концептосфере (на материале русской и французской лингвокультур): автореф. дисс... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 20 с.
5. Прохарова С.М. Вильня – один из основных концептов белорусской литературы начала XX века // Выбраныя працы. – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – С. 236 – 247.
6. Степанов Ю.С. Константы. словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
7. Топоров В.Н. Из области теоретической топонимистики // Вопросы языкознания. 1962, № 6. – С. 3 – 12.
8. Bystron Jan St. Przysłowia polskie. – Kraków: «Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności», 1933. – 260 s.

Аннотация

В статье рассматриваются способы вербализации доминантных концептов «своя страна /чужая страна» в топонимических фразеологизмах русского, белорусского и польского языков. Базовые концепты в фразеологии трех языков структурируются на основе фрейма, состоящего из 7 фасет. Топонимы в составе фразеологизма частично сохраняют свои семантические признаки, мотивируя общую семантику фразеологической

единицы. В то же время одни и те же прецедентные имена даже в близкородственных лингвокультурах представляют различные концепты, в которых ярко проявляется национально-культурный компонент.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ